

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛУБЦОВ
(1887-1966)

<Материалы к статье о Е. Е. Голубинском и его наследии> (приложение)

Движимое чувством глубокого уважения к покойному почётному члену своему знаменитому историку русской церкви Евгению Евсигнеевичу Голубинскому, желая воздать дань благоговейной памяти его 50-тилетнему самоотверженному научному подвигу, Общество Истории и Древностей Российских шесть лет тому назад по мысли и плану своего действительно члена С. А. Белокурова, душеприказчика покойного, приступило в числе других и к настоящему изданию, поручив подготовку и редактирование его пишущему эти строки — Можно было угадывать, что по специфичности своей, книга, подобная этой, несомненно, не может рассчитывать на общий интерес и широкий круг читателей; однако для всякого, кто более или менее близко знал покойного учёного, было ясно, что именно издание, посвященное описанию его библиотеки с воспроизведением оставленных им на книгах пометок, явится, пожалуй, более надежным и соответствующим своей цели способом увековечения его памяти, средством к сохранению иной раз научно ценных замечаний и к распространению не лишенных поучительности и серьезного интереса сведений о домашнем научном быте одного из незаурядных аскетов от науки.

Суровая школа Филаретовских и Николаевских времен дала немало таких аскетов. При полной почти недоступности общественной деятельности наука тогда редко встречала себе серьезную конкуренцию в глазах ученых со стороны других ценностей цивилизации, а если ученому еще не удавалось устроить личную свою жизнь, то она становилась для него почти единственным светочем на жизненном пути, — ею одной он начинал жить. — В данном отношении Е. Е. Голубинский имел перед собою великолепный живой пример, производивший на него, быть может, и невольно, но, несомненно, глубокое впечатление, — пример этой интимной жизни с книгой, этого самозабвения в науках. Разумею его ближайшего руководителя на студенческой скамье, а также на первых порах самостоятельного исследования и старшего

сослуживца впоследствии протоиерея Александра Васильевича Горского, знаменитого ректора Московской духовной академии и описателя рукописей Синодальной библиотеки.

Биограф Е. Е-ча проф. С. И. Смирнов говорит: «Голубинский был земляк Горского — костромич, и это сближало их. Уезжая в Кострому к родителям на Рождество и вакации, Горский оставлял земляка домовничать в своей квартире. В эти домовниченья Голубинский обычно выкуривал весь табак Горского «до волоти», рылся в его библиотеке и читал книги, которые не выдавались тогда студентам, между прочим во французских переводах Гиббона “Историю упадка и разрушения Византийской империи” и Прокопия Кесарийского “Тайную историю Юстиниана и Феодоры”».

В этих условиях Е. Е., несомненно, хорошо познакомился с домашним и ученым бытом своего знаменитого учителя, с приемами его научной работы, с его безупречным трудолюбием.

Впоследствии Е. Е. свой либерализм и независимость любил противопоставлять консерватизму, благоразумию и осторожности А. В. Горского, но он прямо признавал, что своим трудолюбием А. В. воодушевлял его в минуты утомления денно-нощным сидением за книгой. Несомненно и весь внешний образ жизни А. В-ча вызывал в Е. Е. глубокое уважение. — Сознательно ли стал он потом подражать своему учителю или же просто, попав в одинаковые условия ученого быта и обладая приблизительно аналогичными запросами ума, он бессознательно воспроизводил в своем быту черты жизни своего учителя, но только в отношении к книге мы наблюдаем здесь почти полное тождество: оба без книг не могли жить, любили ее, собирали, не жалея скудного своего содержания, оба беседовали с нею, как с живою, выражая свою беседу в форме бесчисленных заметок или на полях книги или на отдельных листочках, оба завещали свое книжное наследие родной Академии.

Эти заметки правда имеют разное значение. А. В. Горский, напечатавший сравнительно лишь немного из своих бесчисленных научных изысканий, часто не доведивший своего исследования до окончательно обработанной готовой к печати литературной формы, в заметках своих оставил очень значительную часть своего научного наследия; быв для многих источником вдохновения и надежным руководством в научных изысканиях, они, к сожалению, до сих пор остаются неразработанными и неизвестными широкой публике, скрывая от нее многие черты светлого облика и многие значительные наблюдения и мысли скромнейшего и ученейшего труженика.

Е. Е. Голубинскому, напротив, удалось ещё при жизни издать главнейшие свои научные труды; в них в окончательном, несомненно, виде изложена большая часть тех мыслей, которые намечались лишь в свое время при чтении того или иного труда или памятника и выливались в форме необработанной заметки на полях или белых листах самой книги. Таким образом, едва ли можно рассчитывать найти в настоящем издании действительно цен-

ные в научном отношении замечания, которые бы не были так или иначе уже использованы и опубликованы самим автором. Однако этим не упраздняется совершенно научный интерес печатаемых ниже заметок. Многих из них, относящихся к частностям либо к области различных вспомогательных дисциплин, или совсем нет в изданных сочинениях Е. Е.-ча или их можно там найти в обобщении и переработке, а между тем они могут быть полезны именно в своем первоначальном виде, особенно те из них, которые относятся к текстам первостепенных по своему значению исторических памятников.

Кроме этого заметки эти могут оказать большую услугу лицам, работающим в области истории церковной, а отчасти и гражданской, делая для них возможным, при чтении соответствующих книг и изучении предмета, научное общение с таким авторитетным собеседником и комментатором, как Е. Е. Голубинский. Главная же ценность печатаемых заметок, которая в данном разе, при изучении книги, особенно имеется в виду, заключается в том, что они дают обильный материал частью для биографии, а больше для характеристики покойного, как ученого и человека.

Если справедлива поговорка, которая говорит: «скажи, с кем ты знаком и я скажу, кто ты», то, в отношении к Е. Е. Голубинскому, ясно, какое она может иметь приложение: чтобы безошибочно судить о нем, проникнуть в сокровенное его научной мысли и его духа, надо ближе приглядеться к его единственному неизменному другу — книге, посмотреть какую книгу и для каких целей собирал он в свою библиотеку, надо прочитать ту переписку, которую он в течение 50-ти слишком лет в виде напольных заметок вел с этим своим другом о всевозможных вопросах науки и жизни, о целом ряде современников своих и предшественников, с которыми ему приходилось сталкиваться или в жизни или, как то случалось в большинстве, на страницах той же самой книги. Необходимо лишь, чтобы не делать ошибок, твердо помнить, что здесь далеко не все книги, с которыми он имел дело: значительно большее количество их он получал из академической и других библиотек для временного пользования и с ними имел такую же переписку в виде таких же заметок.

Сын довольно зажиточного сельского священника глухого Кологривского уезда Костромской губернии — Евгений Песков был с детства мальчик живой, резвый и острый. Грамота далась ему сравнительно легко. Дедушка его, тоже сельский священник, не раз устраивал внуку, приезжавшему к нему в гости, экзамен, шустрый мальчик отвечал бойко и удачно, и довольный дедушка хвалил внука, приговаривая: «ты будешь у меня академистом».

О. Евсигний, отдавая своего девятилетнего сына в Солигалицкое духовное училище, вместо не понравившейся ему самому фамилии Пескова, после долгих раздумий, дал ему громкую в духовных кругах того времени фамилию Голубинского. Маленький Голубинский учился очень хорошо, и один из педагогов жестокой Солигалицкой бursы предсказывал ему, что он будет

«большой человек». В бытность Голубинского в последнем классе духовного училища из семинарии пришло предписание отобрать у всех учеников произвольные фамилии и восстановить старые, отцовские; и в то время как Сперанские со слезами превращались снова в Овсовых, младший Голубинский (Александр) — в Пескова, старшему брату, Евгению, была оставлена громкая фамилия, и он с великою честью пронес ее до самой могилы, сойдя в нее ординарным академиком Академии Наук и оправдав с детства возлагавшиеся на него надежды.

На десятом году, еще перед поступлением в училище, мальчик лишился матери, которую заменила взятая отцом для домоуправления крестьянская старуха, «бабушка» Аксинья. Мальчик остро почувствовал происшедшую перемену: замкнулся, стал избегать игр и сверстников с их насмешками над поповичем, которого бабушка Аксинья одевала и кормила грубо, по-крестьянски, самолюбие заставляло его нередко краснеть перед товарищами и гостями то за неискусно приготовленные подорожники, то за белье из толстого плохо обделанного крестьянского холста и т.п. «Хотя отец и заботился о нас, но без матери все время, пока мы росли, нам было плохо», с грустью сознавался Е. Е-ч под старость.

Успехи и похвалы, питая самолюбие замкнутого и серьезного мальчика, при создавшихся условиях домашней обстановки естественно привязывали его к школе и книге, и он смолоду не привык относиться к ним формально, по-казенному.

Восприимчивый ученик черпал в школе и книге те истинно-христианские устои нравственности и мирозерцания, которые позволяли ему уже тогда уберечься от многих окружавших его бытовых пороков современного бурсацкого и церковного общества, и впоследствии влекли его ученое внимание к исследованию и беспощадному осуждению этих пороков в его многочисленных работах.

Уже тогда, в дни юности, он ценил знание, искал его, проявляя замечательное трудолюбие и самостоятельность и, очевидно, склоняясь в будущем посвятить себя ему всецело, а пока стараясь запастись тем, что окажет в дальнейшем необходимую помощь. Весьма естественно, что при этом большое значение в смысле направления его внимания должна была иметь та школьная традиция, та обстановка, в которой протекало его обучение. В тогдашней низшей и средней духовной школе всякое знание предлагалось лишь под условием основательного изучения древних языков. Приезжая из семинарии домой на отдых, Голубинский и тут находил все те же хорошо знакомые ему по школе старые бережно сохраненные отцом греко-латинские лексиконы и печатанные в Москве в начале XIX века латинские учебники по философии, богословию и др. предметам; в семинарии на уроках постоянно приходилось слышать ссылки на старые и новые иностранные ученые авторитеты.

Понятно, что пытливому семинаристу недолго было придти к убеждению в необходимости основательно изучить и новые европейские языки, как

лучшее средство непосредственного общения с самими источниками знания. Не забудем, что то еще была пора крепостного права, и, может быть в помещичьей усадьбе его родного села Матвеева слышалась еще французская речь, и в барских комнатах на полках можно было видеть, а еще легче в изобилии встретить в Костроме у букиниста маленькую карманную французскую книжку, большею частью наследие XVIII века. И Е. Е-ч принялся за изучение французского языка; это первое для нас уловимое проявление его самостоятельности в области знания. Поступив в Академию в 1854-м году, он устроил свою настойчивость в этом отношении, и к святкам первого же года стал довольно свободно читать и по-французски и по-немецки.

В семинарии же, по-видимому, определились и общая настроенность, и научные интересы Е. Е-ча; видимо, уже тогда он стал в немногочисленные ряды той части семинарской молодежи, которая, не быв подавлена филаретовски-казенным школьным режимом, искала положительного знания и не чуждалась некоторого свободомыслия в своем мировоззрении. Купив где-то за год еще слишком до окончания семинарии за 10 коп. сер. французскую книжку: «L'esprit de l'encyclopedie», Е. Е-ч не без особого быть может значения надписывал, что она принадлежит ученику «Богословия»: не богословски и не философски была настроена голова его, вероятно, уже и в то время. В Академии философия плохо ему давалась, и впоследствии он оценивал себя, как философа, у которого ум заходит за разум. Гораздо успешнее были его занятия по словесности, расколу и истории. Во всем составе его библиотеки нельзя указать ни одной, пожалуй, чисто богословской или философской книжки, которую бы он приобрел сознательно с целью изучения предмета; здесь мы встретим лишь 3-4 старых его учебника, да несколько богословских трактатов на латинском языке, приобретенных случайно из уважения к их древности. Богословские же и философские диссертации, подаренные сослуживцами или учениками, в отличие от прочих книг он обычно оставлял неразрезанными; иногда, правда, он прочитывал попадавшую где-либо ему под руку философскую или богословскую статью, иногда покупал даже какое-либо руководство по истории философии или богословию, но это делалось им или потому, что он считал для себя необходимым иметь минимальное знакомство с соответствующими областями, или потому, что излагавшиеся здесь предметы были связаны с тем или другим интересовавшим его вопросом истории и жизни.

Пока продолжался курс обучения, кончая Академией, Е. Е-ч был, очевидное дело, связан в своих занятиях рамками школы и для очередных своих тем черпал материал в казенных книгохранилищах: о собственной книге казеннокоштному не приходилось мечтать, и лишь случайные книжки, попадавшие ему у букиниста, стоившие 5-10 коп. серебром, становились изредка достоянием любознательного студента.

Переходя на последний курс Академии, занимаясь, согласно навязанной ему Горским теме, курсовым сочинением «Об образе действия право-

славных греко-римских государей в IV, V и VI-м вв. в пользу Церкви против еретиков и раскольников», он приобретает себе книжки совсем не по специальности: старенькое издание Тацитова сочинения о Германии, за 5 коп. сер., и совсем недавно вышедшую ко времени Севастопольской кампании французскую книжку Д'Эстрамбера о «России и ее обвинителях в восточном вопросе».

В 1858-м году Голубинский одним из первых магистрантов окончил курс в Академии. Сочинение его, неохотно им писанное, было представлено однако, как одно из лучших митрополиту Филарету, быв выправлено предварительно по его вкусу самим А. В. Горским. В следующем году по требованию Синода оно было напечатано (в «Прибавл. к изд. Твор.св.отец», ч.18) к немалой досаде автора, получившего за него степень магистра богословия.

— Между тем Е. Е-ч по окончании Академии был назначен на службу в Вифанскую духовную семинарию преподавателем словесности и соединенных с нею предметов (реторики и немецкого языка), в через год ему было поручено преподавание предметов в миссионерском отделении, в том числе истории и обличения раскола, а также заведывание семинарской библиотекой. Как видим, в семинарии Голубинскому по службе пришлось сразу столкнуться со множеством разнообразных предметов и, несмотря на то, что служба его здесь продолжалась всего 2 S года, они все нашли с его стороны, как и следовало ожидать, добросовестное и внимательное к себе отношение. Поступив на службу и получая еще далеко небогатое жалование, Е. Е-ч сразу обнаружил любовь к книге, стремление иметь собственную библиотеку. Он начинает постепенно и все в большем и большем количестве скупать книжки как необходимые ему по роду занятий, так и просто интересующие его своими темами или дразнящие его библиофильское чувство своею древностью, или редкостью или уникальностью предмета. Стоит просмотреть заглавия приобретенных им в эти годы книжек, чтобы понять, что неистребимая любознательность и незаурядная разносторонность интересов наряду с замечательной добросовестностью и трудолюбием в выполнении взятых на себя обязанностей уже тогда составляли основные черты его духовного облика. Он - преподаватель словесности и реторики и одновременно но любитель старенькой подержанной книжки, и мы видим, что на ряду с современным и необходимым ему Буслаевским «Опытом исторической грамматики русского языка» или «Обзором русской духовной литературы» Филарета в его библиотечке находят себе место старые, XVIII века, сочинения, в роде латинских работ Павла Алера: «Ступень к Парнасу, или новы(а)я сокровищ(ница) а синонимов, эпитетов и поэтических речений», Мундения: «Священная этимология всех слов Нового Завета», XVIII же века издания на иностранных языках как старых, так и новых классиков, как-то:

Генриада Вольтера (издание (18) 10-го года), два томика сочинений Мольера, два томика какого-то французского песенника, французский же сло-

вариант басни, Фигарова женитьба Бомарше в старом русском переводе Лабзина, подлинники Гомера, Горация, Варрона, Ювенала с Флакком, Демосфена и Эскина (sic! у Г-ва) и др; значительная часть этих книг, по моде века, — карманного формата в кожаных или пергаменных переплетах и приобретена им, как большинство и других книг во время летних скитаний по букинистам Моховой и Сухаревки. Как преподаватель немецкого языка, он не только собирает немецкие книжки для практики, как напр., Тюбингенское издание Нового Завета с Псалтирью, в потом и Ветхий Завет, сочинения Лессинга, Вильгельма Гримма «О немецкой героической песне» или Георги «Описание всех народностей Русского Государства, но параллельно с этим старательно углубляет свои сведения и по части научного языкознания: на французском языке знакомится с «Основами всеобщей грамматики», изучает немецкие труды: Штейнталя «О происхождении языка» и о «языковедении Гумбольдта в отношении к Гегелевой философии», «Систему языкознания» Гейзе, «О происхождении языка» Якова Гримма и др.; интересуется Денхардовым сочинением «О жизни и трудах братьев Як. и Вильг. Гриммов», этих знаменитых языковедов того времени. Все эти занятия иностранными языками требуют словарей и грамматик, и Е. Е -ч приобретает их, не жалея средств, выискивая лучшие по качеству, и потому сплошь и рядом отдавая предпочтение опять-таки иностранным изданиям. Но всего этого еще мало. Е. Е-ч - преподаватель предметов в миссионерском отделении; поэтому рядом с Алером и Мундением, Демосфеном и Ювеналом, Штейнталем и Гриммом на книжных полках его кабинета появляются доморощенные «Беседы к глаголемому старообрядцу», «Краткие извлечения из старопечатных книг к вразумлению мнимых старообрядцев» и в рукописных копиях, сделанных, возможно, семинаристами, различные раскольничьи сочинения, в роде поморских вопросо-ответов и др.

Всего этого требовал от Е. Е-ча, б.м., строго понимаемый им долг службы, но у него было и настойчивое стремление к самообразованию, и значительный, по существу публицистический, интерес к вопросам государственно-общественной, и церковной жизни, и, если из простого любопытства он захватывал на Сухаревской площади брошюру Семевского о современных портретах царевны Софьи и кн. В. В. Голицына или старый 1775 года перевод книги о Православии греческой церкви или старую же 1764 года книжку Кареля *Opuscula quaedam varii argumenti*, то несомненно, совершенно определенные цели самообразования он ставил себе, приобретая французский очерк истории философии, немецкие труды О христианских легендах или Вебера Всеобщую историю, Гиббона Историческое обозрение римского права, скупая многочисленные описания путешествий по северу России Озерецковского; не пропускает он, вероятно, случайно встреченной французской книжки, изданной депутатом Национального Собрания Вольнеем под заглавием: «Развалины или размышления о революциях в империях»;

выписывает он и журналы: «Православное обозрение» и вместе «Современник» Некрасова.

Надо думать, что богатая библиотека Вифанской Семинарии, которой ему пришлось заведывать и в к-рой он видел м.пр. множество старых книг, оказала решающее влияние на Е. Е. в смысле закрепления в нем библиофильских наклонностей.